

Праздник Тысячелетия в Море Демонов — это своего рода местный аналог Праздника фонарей. Шумный, оживленный, полный толп демонов, которые буквально толкаются плечами.

Се Чэньлу и Чу Цзюань медленно поднимались по горной тропе. Вершина, где росло Дерево Бодхи, была скрыта в облаках. Поговаривали, что эта лестница — испытание на искренность, и преодолеть её нужно было шаг за шагом. Даже могущественные владыки демонов, желая обрести удачу в любви, вели за руку своих возлюбленных и поднимались вверх с величайшим почтением.

Чу Цзюань выдохся уже на полпути. Его взгляд, устремленный к вершине, то вспыхивал, то гас, становясь нечитаемым. Се Чэньлу не переставал вливать в него духовную силу, крепко сжимая его ладонь. Духовные каналы Чу Цзюаня были разрушены, и хотя он сохранял тело бессмертного, оно больше не могло вмещать в себя энергию неба и земли — по сути, он стал ничем не лучше простого смертного.

Весь путь до самой вершины он опирался лишь на поддержку Се Чэньлу. Дерево Бодхи, прожившее тысячи лет, раскинуло свои ветви на десятки чжанов; его колоссальная крона укрывала добрую половину горы. Демоны обустроили среди ветвей лавки и даже целые павильоны, увешав густую листву фонарями всех мыслимых форм. С наступлением ночи они зажигались один за другим, словно упавшие с неба звезды, освещая поселение в кроне дерева.

Дерево Бодхи не терпело убийств, поэтому демоны, что вели праведную жизнь и питались лишь растительной пищей, жили здесь тихо и мирно, не вмешиваясь в распри шести миров и не зная мирских страстей.

Учитывая состояние Чу Цзюаня, Се Чэньлу нашел на вершине постоянный двор. Хозяйкой оказалась двуххвостая лисица с одним глазом. Она предложила двум гостям, чья стать выдавала в них небожителей, две отдельные комнаты, но, уходя, услышала, как человек в лазурных одеждах тихо кашлянул:

— Только одну.

Лисица на мгновение широко раскрыла свой единственный глаз.

Демоны в этом городке, хоть и забыли о былых кровавых битвах, всё же переняли людские привычки. Когда сгущались сумерки, они запускали фейерверки. К тому моменту, как Се Чэньлу обернулся, Чу Цзюань уже закрыл глаза. Он выглядел смертельно уставшим, засыпая, стоило ему только сесть. В этот миг снаружи с грохотом разорвался фейерверк, и Се Чэньлу, не раздумывая, прикрыл ладонями уши Чу Цзюаня, боясь, что шум потревожит его сон.

— Поспи, мой принц, — прошептал он.

Даже в такой холодности его голос невольно смягчился.

Чу Цзюань спал на удивление крепко. После привычной праздности дворца Бисяо, где он лишь изредка прогуливался, такая усталость принесла ему покой. Кровать стояла у окна, которое всё еще было окутано духовной силой Се Чэньлу. Как тот и хотел, он распахнул створки.

В тот же миг в небо ударили снопы искр, и один за другим фейерверки расцветали в зените, заливая тьму светом, словно стоял ясный день. В павильонах сновали демоны, где-то пронзительно кричали птицы-духи, выкрикивая что-то неразборчивое. Чу Цзюань проследил за их взглядами: вдали низвергался водопад высотой в тысячу чжанов, ветви Дерева Бодхи склонялись над ним, украшенные изысканными фонарями.

Те были выполнены с невероятным искусством: вот расправил крылья Пэн, вот поднял голову в реве зверь цилинь, а в густой водяной пыли, скрываясь в тумане, едва угадывался силуэт изящного белого дракона. Множество демонов, ступая по ветвям, пытались дотянуться до них, но водопад был слишком стремителен — один за другим они с криками срывались вниз, вызывая сочувственные вздохи у толпы.

Внезапно, среди этой суеты, мелькнул лазурный силуэт. Легко ступая по ветвям, он стремительно пронесся вперед, сквозь летящие брызги, и без труда сорвал самый высокий фонарь в виде дракона.

А затем он направился напрямик к Чу Цзюаню.

В ту ночь звезды сияли так ярко, что водопад и Млечный Путь казались лишь фоном. Он стоял на ветви Дерева Бодхи, сжимая в руке фонарь-дракона. Чистый, гордый, чуждый мирской суете, он выглядел так, будто ничто земное не могло тронуть его сердце. Все демоны вокруг невольно подумали: вот он, истинный небожитель.

Человек, у которого на темных висках ещё блестели капли воды, увидел его, и его глаза, темные, как тушь, в одно мгновение оттаяли, словно весенний лед. Сын судьбы был бесподобен — казалось, весь свет этого мира сосредоточился в нем одном.

— Итак, хозяин, сердце дрогнуло? — подал голос 003.

— Если бы тебя три года обманывали только ради того, чтобы вскрыть твой череп, у тебя бы дрогнуло? — Чу Цзюань продолжал смотреть на него с нежностью и восхищением, но голос его звучал ледяным холодом. — Ах да, я забыл, у виртуальных данных нет черепа.

003, подвергшийся безжалостной насмешке, почувствовал, что жизнь становится всё тяжелее:

— Тогда почему хозяин так внимательно смотрит?

Чу Цзюань помедлил, и в его глазах промелькнуло нечто пугающее:

— Думаю о том, что будет, если он свалится.

003: ...

Се Чэньлу шаг за шагом подошел к окну Чу Цзюаня. Он улыбнулся, словно ребенок, ожидающий похвалы, и обеими руками протянул ему фонарь. Тот был настолько искусно сделан, что даже после долгого пребывания под дождем и ветром не погас. Чу Цзюань принял его и взглянул на Се Чэньлу:

— Почему мне?

— Потому что принц только что несколько раз на него посмотрел.

Не соблюдая никаких приличий, он просто перешагнул через окно. Стряхнув с одежды влагу легким всплеском духовной силы, он взял плащ и накинул его на плечи Чу Цзюаня:

— Принц, здесь сыро, берегись простуды.

Затем он опустился перед ним на корточки, задрал голову, прислонившись к фонарю, и, обхватив холодные ладони Чу Цзюаня, согрел их своим дыханием:

— Принцу нравится?

Сын судьбы обладал лицом, способным свести с ума любого. В этой позе, с обнаженной изящной шеей, он мог заставить дрогнуть чье угодно сердце. Жаль только, что не сердце Чу Цзюаня.

Тот внимательно погладил фонарь и вздохнул:

— Нравится.

Чу Цзюань отложил изысканный фонарь в сторону, оставив лишь свой одинокий, надменный профиль. И это слово прозвучало с какой-то горечью. Сердце Се Чэньлу пропустило удар. Истинные драконы в этом мире были редкостью, и большинство фонарей в Мире Демонов делали по эскизам Чу Цзюаня. Этот фонарь был выполнен в том виде, в котором Чу Цзюань пребывал триста лет назад, когда был свободен, как ветер. Видеть себя прежнего — значит лишь беречь старые раны.

Се Чэньлу, который хотел как лучше, а вышло как всегда, замолчал.

Во второй половине ночи на Дереве Бодхи стало тише: демоны, обретшие свою судьбу,

отправились по домам. Чу Цзюань, выпавшись, захотел прогуляться, и Се Чэньлу вызвался его сопровождать.

Он протянул руку:

— Принц, снаружи много народа, как бы нам не потеряться.

Чу Цзюань помедлил, и, казалось, с нескрываемым нежеланием всё же вложил свою ладонь в его руку. За всё это долгое время он впервые не отказал, и Се Чэньлу был ошеломлен.

У водопада Дерева Бодхи протекала река с медленным течением. Се Чэньлу купил у демона-лианы фонарь, одной рукой держа Чу Цзюаня, а другой выводя на бумаге иероглифы. Его почерк был чистым и твердым, в нем чувствовалась непередаваемая сила духа.

— Легенда гласит, что фонарь, пущенный по течению с искренним желанием, доплывет до реки Ванчуань. Если чувства двух людей истинны, они заключат союз на многие жизни.

Его голос звучал нежно, когда он переплел свои пальцы с пальцами Чу Цзюаня:

— В прошлый раз, принц, я пускал его один... дела помешали нам быть вместе. Сегодня, наконец, выпал шанс это исправить.

Чу Цзюань подался вперед, желая взглянуть, но Се Чэньлу ловко прикрыл надпись ладонью:

— Если принц прочтет, желание не сбудется.

— Что там такого секретного? — Чу Цзюань слегка приподнял бровь. Сердце Се Чэньлу от этого жеста мгновенно растаяло. Он поднялся, держа фонарь, и поцеловал Чу Цзюаня в висок:

— Конечно, нет ничего такого, чего принцу нельзя было бы знать. Всё, что принц захочет увидеть, Чэньлу позволит увидеть.

Чу Цзюань: ...

Не успел он и слова сказать, как Се Чэньлу уже мягко обнял его. Его голос, пропитанный влажным туманом, долетал до самого уха, такой близкий, что Чу Цзюань чувствовал жар его дыхания. Се Чэньлу прошептал так тихо, словно боялся, что кто-то другой услышит:

— Молю лишь о том, чтобы каждый год, каждый день с принцем был похож на эту ночь.

Звездное небо, отражаясь в реке, выглядело как картина, написанная рукой бога. Пройдут

годы, прежде чем Се Чэньлу осмелится признаться Чу Цзюаню, что это была ложь. Се Чэньлу всегда был лжецом без капли раскаяния. Легенда о том, что искреннее желание на Дереве Бодхи принесет счастье, была лишь сказкой — за искренность всегда приходилось платить.

Позже Се Чэньлу часто думал: возможно, он был слишком искренен, поэтому впоследствии и подвергся самой жестокой расплате.

Юноша, благородный и прекрасный, нежно целовал висок человека в белых одеждах в мерцающих тенях деревьев. Со стороны это выглядело как союз небожителей, но для тех, кто наблюдал из темноты, каждое их движение было подобно игле.

Вдали, за стволом дерева, кто-то сжал кулаки так, что побелели костяшки, а взгляд его стал мрачным.

Се Чэньлу пускал фонарь у реки, а Чу Цзюань наблюдал за ним. Но стоило лишь на мгновение отвернуться, как Се Чэньлу исчез.

Это было скрытое пространство, окутанное густым туманом. Юноша в белом плаще шел вперед, его лицо было холодным, а в глазах читалась тревога, от которой сердце сжималось.

Чу Цзюань отбросил последний слой завесы, и перед ним открылся вид на того, кто сидел внутри. Это было Божество Цинхэн. Он неспешно наливал чай, и ароматный пар, подхваченный дуновением ветра, мгновенно рассеялся.

— Ты... — потерявший память принц Цзыдянь нахмурился, глядя на него так, словно видел впервые.

— Ты не помнишь, кто я? — Цинхэн повторил его слова и насмешливо изогнул губы. — Вижу, принц Цзыдянь действительно многое забыл. Я не прочь помочь тебе вспомнить.

С этими словами Цинхэн щелкнул пальцами, и поток духовного света ворвался в сознание Чу Цзюаня. Тот мгновенно закрыл глаза.

В системе 003, прозрачный виртуальный образ, примостился на плече Чу Цзюаня и восхищенно вздохнул:

— А Божество Цинхэн всё-таки не выдержал.

Оно ведь говорило, что хозяин не мог просто так начать играть с Се Чэньлу в гармонии. Оказывается, всё было ради того, чтобы спровоцировать Божество Цинхэн.

Этот поток силы был легко заблокирован системой. Чу Цзюань взглянул на искры, танцующие на кончиках его пальцев, и хмыкнул:

— И что он там собирался мне показать?

003 проверило данные:

— Должно быть, сцену вашей свадьбы.

Чу Цзюань спокойно поднял глаза и замолчал. Прошло столько времени, но те воспоминания были всё ещё свежи. Винить можно было лишь то, что сюжет был действительно безжалостен.

Тот эпизод был кульминацией сюжета: Цинхэн ошибочно принял чувства Се Чэньлу и Чу Цзюаня за взаимную любовь, что привело к обострению его недуга. Се Чэньлу, узнав об этом, в день их свадьбы бросил Чу Цзюаня у алтаря и поспешил ухаживать за Цинхэном.

Чу Цзюань, принц целого мира, был брошен в день собственной свадьбы. Оставшись один, он сам уладил все дела. Будучи преданным запасным вариантом и верным псом, он не стал устраивать истерик, а молча пошел искать Се Чэньлу.

...

Когда Цинхэн, поздравив Се Чэньлу со свадьбой, выставил его за дверь, лил проливной дождь. И когда Се Чэньлу, лишившись сил, рухнул на землю, Чу Цзюань появился снова, чтобы подхватить его и унести на Девять Небес, где бережно выхаживал, даже когда тот в бреду выкрикивал имя другого.

<http://bllate.org/book/18619/1792537>